

УДК 821.161.1

«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОПОЭТИКИ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И РОМАН СЕНЧИН

Александр Вавжинчак (Краков, Польша)

Аннотация

Исследовательская задача настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа повестей Валентина Распутина и произведения Романа Сенчина «Зона затопления». Оба писателя отличаются друг от друга не только жизненным, поколенческим опытом, но, прежде всего, разным эстетическим подходом к творчеству. В своем романе Сенчин предпринимает попытку преодоления мифопоэтического, традиционалистского восприятия мира, характерного для творчества Распутина. Апеллируя к творчеству классика, современный автор предлагает другой, подчиненный художественным принципам «нового реализма» способ описания действительности, стремится развенчать мифологемы, ставшие фундаментом распутинской прозы. Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать тезис, что творческий замысел Сенчина трудно назвать успешным, но в то же время он полностью вписывается в извечный спор между «традиционным» и «новым» в искусстве.

Ключевые слова: *Распутин, Сенчин, традиционализм, мифопоэтика, новый реализм, преодоление.*

Динамика литературного процесса всегда была связана с широко понимаемым ходом истории – сменой эпох, политических и социальных строев и, конечно же, сменой художественных и эстетических предпочтений, присущих данной эпохе. Данным процессам подвергалось и подвергается и реалистическое направление, которое в случае с русской литературой XX – начала XXI вв. перетерпело несколько стадий развития. Одной из них был взлет популярности «деревенской прозы» в 60–80-е гг., ставшей частью более широко понимаемого традиционализма. Ярким представителем данного явления стал В. Распутин, творчество которого (в том числе повести «Прощание с Матерой», «Пожар»), затрагивающее злободневную в период 70–80-х гг. тему индустриального развития страны (особенно родной писателю Сибири), которому сопутствовало преобразование, а в крайних случаях – уничтожение не только природного ландшафта, но традиционного русского крестьянского лада, признано сегодня классикой русской литературы. Еще одним воплощением реалистической эстетики стало зарожденное на рубеже второго и третьего тысячелетий течение, названное «новым реализмом». Среди многих его представителей выделяется Р. Сенчин, прозу которого можно рассматривать как своеобразную полемику с распутинским традиционализмом. Целью настоящей статьи стало сопоставление обоих авторов, и прежде всего их взгляда на проблему социокультурных перемен, переживаемых сибирской глубинкой как в 70-е гг. прошлого века, так и в начале нынешнего.

Все творчество В. Распутина широко и многосторонне рассматривалось многими исследователями как в России, так и за рубежом — в США, Германии, Франции, Польше и других странах. Среди прочих стоит отметить труды российских ученых А. Большаковой, Н. Ковтун, И. Плехановой, швейцарского слависта Ж. Нива, американцев К. Партэ, Д. Майклсона, а также польских русистов — В. Ольбрых, В. Пилата, А. Урбан-Подольян и А. Вавжинчака. Практически все авторы, несмотря на разный методологический подход, разную оценку данных произведений и их интерпретаций, называют их «реквиемом по русской деревне» [Wawrzyńczak, 2005, с. 71–73].

Особенной чертой прозы иркутского автора стало мифопоэтическое восприятие действительности, тесно связанное с его приверженностью традиционным народным ценностям, идеям почвенничества и славянофильства. Как отмечает Н. Ковтун, «В. Распутин дает (...) художественное обоснование “общинного чувства”, настаивая, что оно имманентно присуще русскому народу (теория соборности). Будущее нации он видит в “обретении потерянного духа”, религиозном единении, которое выступает залогом процветания страны» [Ковтун, 2017б, с. 210]. Именно эти ценности утверждаются в повестях В. Распутина «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой». Мифологическое видение деревенского лада подвергается частичной демифологизации только в повести «Пожар», ставшей одним из тех текстов русской словесности, которые со временем стали восприниматься как предвестники перестройки и последующих общественно-экономических трансформаций, во многом напоминающих очередные социокультурные эксперименты, проводимые на живом организме российского общества.

Если доперестроечное творчество В. Распутина давно уже признано классикой русской литературы XX в., то произведения, созданные после распада СССР, в 90-е и нулевые, воспринимались весьма неоднозначно. К тому времени уже прогремели заявления о конце «деревенской прозы», «тупике», в который якобы загноили себя писатели-«деревенщики». Н. Лейдерман и М. Липовецкий, указывая на ряд особенностей данного течения — апелляцию к традиционным духовным ценностям, определяющим «нравственный кодекс народной жизни», выстраивание эстетического идеала, основанного на почве «житейского опыта, труда на земле, в непосредственном контакте с природой», — в то же время отмечали формирование стереотипа «произведения о малой родине», мифологизацию деревенского уклада жизни, в результате чего «утопия выдавалась за идиллию» [Лейдерман, Липовецкий, 2001, с. 55–56]. Отметим, что в перестройку и первые годы постсоветской эпохи данное утверждение стало общепринятым, особенно в польской русистике.

Одной из причин такого положения вещей был общий кризис реализма в мировой литературе, усугубленный в России крахом соцреалистической модели литературы, которую заменил постмодернизм. Однако к концу 1990-х реалистическая традиция, лучшее из которой на закате советской эпохи продолжали именно «деревенщики», нашла новых наследников, которые ставили себя в оппозицию к доминирующей постмодернистской эстетике, воспринимаемой как эффектив-

ный и, главное, эффектный метод преодоления советского (соцреалистического) дискурса в русской литературе. Новоявленные соперники постмодернизма, как правило принадлежащие поколению, рожденному на рубеже 60–70-х гг., руководствовались принципом описания реальности «без идеализации, без символики, без обобщения, на уровне физиологических очерков» [Бондаренко, 2003]. Название новому направлению дал один из ярчайших его представителей Сергей Шаргунов, выступивший в 2000 г. в журнале «Новый мир» с программной статьей «Отрицание траура», в которой провозгласил появление в литературе «нового реализма» (Шаргунов, 2000). В течение всего нескольких лет состоялся дебют и других молодых авторов, которых критика стала называть «новыми реалистами»: Олег Павлов (1999), Роман Сенчин (2001), Захар Прилепин (2004) и другие. Среди прочих откликов и рецензий выделяется мнение А. Ганиевой, которая определила «новый реализм» как «литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма (...) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность искания, неудовлетворенность и трагический жест» [Ганиева, 2010].

Отметим, что представителей «нового реализма» объединяет не политическая позиция или мировоззрение, а неоднократно заявляемая и реализуемая в их творчестве апелляция к достоянию традиционалистской прозы. Она присутствует в творчестве З. Прилепина, С. Шаргунова, М. Тарковского и Р. Сенчина. Проза последнего из перечисленных авторов представляет для данной статьи особый интерес, так как он неоднократно апеллирует к наследию именно автора «Прощания с Матерой».

Произведения Р. Сенчина уже давно вызывают интерес критики и исследователей, причем не только в России, но и за рубежом. Причину данного успеха довольно точно определил российский литературный критик С. Беляков, отмечавший, что «Россию девяностых и нулевых будут изучать по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя» [Беляков, 2011]. Действительно, в произведениях рожденного в Туве прозаика изображены жесткие реалии постсоветской России, терзаемой экономическими проблемами, повсеместной коррупцией и беспределом чиновников на всех уровнях административной лестницы – от районного руководства до кабинетов в министерствах. Образ страны у Сенчина однозначно мрачен и, главное, безнадежен, что позволило исследователям называть его творчество депрессивным [Jastrzębska, 2016, с. 75]. Мир, в котором приходится жить героям произведений, поражает своей враждебностью к простым обывателям, как правило, жителям сибирских городов или поселков, всегда отличавшихся отдаленностью от центра страны, заброшенностью, цивилизационным отставанием, которое в эпоху постсоветского цивилизационно-культурного кризиса только усугубилось. Особенно ярко данную проблему изобразил Р. Сенчин в двух своих романах – «Елтышевы» и «Зона затопления», действие которых развивается на двух «маленьких родинах» писателя – в Республике Тыва и Красноярском крае.

Оба произведения изобилуют перекличками с творчеством В. Распутина, причем представитель «нового реализма» не столько продолжает и развивает темы и сюжеты произведений классика русской литературы XX в., сколько спорит с ними, даже опровергает их. Итак, в романе «Елтышевы» легко обнаружить критическую полемику с последней повестью иркутского прозаика «Дочь Ивана, мать Ивана». В распутинском тексте героиня – Тамара Ивановна и ее семья – ведут неравный бой за справедливость, который вынуждает героиню, мать, пойти на преступление. Тамара Ивановна предстает перед читателем как носительница тех же ценностей, что присущи героиням ранних произведений В. Распутина – она хранительница семейных ценностей, домашнего очага, заступница чести и жизни своих детей. С ее заключением за совершенное преступление семья, несмотря на усилия ее членов, начинает деградировать, однако возвращение матери из тюрьмы дает надежду на возрождение семейного счастья. Мифопоэтический образ женщины – хранительницы семейного лада остается у Распутина прежним, незыблемым, несмотря на то, что общее положение российского общества на заре нового тысячелетия оценивается весьма негативно.

Тем временем героиня произведения Р. Сенчина – семейство Елтышевых, столкнувшись с куда менее трудной ситуацией, ставшей результатом безалаберности главы семьи, заставившей их покинуть город и жить в деревне, оказываются абсолютно не готовыми к ударам судьбы. Мрачная действительность нищенствующей провинции, подобно болоту, постепенно погружает два поколения Елтышевых – родителей и их детей – в ужас окружающей их реальности. Последствием становятся пьянство, нравственная деградация и поочередная смерть всех членов семьи. Художественное изображение мира у Сенчина лишено какой-либо мифологизации и идеализации, оно сугубо реалистично, даже натуралистично, его герои предстают апатичными обывателями, неспособными противостоять ударам судьбы, постепенно превращающимися в дегенератов. Русский человек, сибиряк, представляемый Распутиным на протяжении десятилетий как последний оплот человечности, безжалостно разоблачается Сенчиным и предстает не как жертва, а как, пусть невольный, но все же соучастник социально-экономических процессов, вызванных кризисом 90-х гг. И все же наиболее яркой попыткой опровержения мифопоэтического восприятия мира Распутиным стал роман Сенчина «Зона затопления», прямо апеллирующий к двум повестям классика – «Прощание с Матерой» и «Пожар».

Исследовательница традиционалистской прозы Н. Ковтун отмечает, что произведение Сенчина «начинается там, где заканчивается текст Распутина» [Ковтун, 2017а, с. 83]. Напомним, «Прощание с Матерой» заканчивается следующей сценой: «Богодул протопал к двери и распахнул ее. В раскрытую дверь, как из разверстой пустоты, понесло туман и послышался недалекий тоскливый вой – то был прощальный голос Хозяина. Тут же его точно смыло, и сильнее запестрило в окне, сильнее засвистел ветер, и откуда-то, будто споднизу, донесся слабый, едва угадывающийся шум мотора» [Распутин, 2001, с. 191]. Судьба Матеры предре-

шена, однако герои повести стараются жить хоть толикой надежды, что не все еще потеряно. Ответ хранится где-то там, в тумане, накрывшем остров. Туман же символизирует в народной культуре не только приближающуюся гибель, но и неведение [Ковтун, 2017а, с. 83]. Надежда на спасение «деревенской Атлантиды» присутствует и в повести «Пожар», в которой Распутин констатировал деградацию сознания человека, русского крестьянина, потерявшего под деструктивным влиянием технократической советской цивилизации связь с природой и традицией. Однако события, последовавшие вскоре после выхода повести, привели не только к краху мифологии «деревенской» прозы, но и к развалу всей страны, в условиях которой «деревенщички» эту мифологию отстаивали.

В созданном четыре десятилетия спустя произведении Сенчина, построенном на схожем с повестями В. Распутина принципе злободневности художественного текста, читатель погружается в действительность уже другой страны. За эти годы произошли существенные изменения – сформировался другой политический и экономический строй, наступила свобода выражения мысли, взглядов, существенно повлиявшая на развитие литературы, однако проблема культурно-экономического развития деревни осталась столь же острой. Поэтому замысел романа Р. Сенчина «Зона затопления» вполне оправдан. Автор, ощущая преемственность проблематики и сюжета, в то же время представляет картину мира, сильно отличающуюся от классического источника. Отказавшись от мифопоэтической эстетики, писатель делает ставку на максимальную приближенность к действительности, даже в какой-то мере публицистичность сюжета.

Отрицание мифопоэтической, сакральной эстетизации в сочетании с полемикой в адрес классика начинается уже с первой главы романа, озаглавленной «Мужской разговор». Ассоциация с рассказом В. Распутина навязывается здесь сама собой, а переключка с текстами мастера выстраивается сразу на нескольких уровнях, и первый из них – самый поверхностный, гендерный. Ясно, что у мужчин и женщин есть свои, часто очень далекие друг от друга темы для разговоров. В данном случае сокровенным беседам героинь рассказа о женской судьбе и ценностях, которые женщине надлежит хранить, противопоставлен абсолютно тривиальный разговор двух чиновников, которые обсуждают вопрос о возможности продолжить строительство гидроэлектростанции, видя в этом исключительно способ добиться карьерного роста. Сенчин сразу же вводит читателя в жесткие реалии современности, в которой личный успех стал для многих, особенно власть имущих, самоцелью. Амбиции двух чиновников приводят в движение огромную административно-бюрократическую машину, которая резко меняет судьбу жителей территории, подлежащей затоплению в случае завершения заброшенного некогда проекта.

По мере развития действия «Зоны затопления», кроме основного сюжета, появляются очередные, побочные, напрямую апеллирующие к литературному наследию В. Распутина. Самым ярким в этом плане представляется сюжет главы «В чужую землю». В нем описаны похороны старожилы деревни Пылево –

крестьянки Натальи Сергеевны. Деревня уже ждет переселения, однако старушку, в силу отсутствия транспорта, решают похоронить на местном кладбище. Последние похороны в деревне предвещают скорый конец самого поселения, однако оставшиеся в нем жители не испытывают ни сожаления, ни желания отстаивать свои права. Для них эта земля, на которой они родились и на которой жили их предки, так и не стала родной. Пылево существует несколько столетий, однако очередное поколение его жителей не чувствует связи с этим местом. Сотни лет назад их предки прибыли в Сибирь, в «чужие земли» в поисках лучшей жизни, сотни лет ее осваивали, а она так и осталась «чужой». Используя важный для распутинского мировоззрения мотив похорон и памяти, Сенчин выстраивает абсолютно противоположную по своему значению картину. Память не является даром, залогом верности традиции и, больше того, человечности. Для героев писателя она утратила сакральное значение, однако последние в деревне похороны на мгновение пробуждают в них желание отдать долг традиции: «Смерть старого, обессиленного, изработанного человека – это дело, конечно, обычное, а вот прощание с ним всей деревней, опускание в ту землю, на которой прожил жизнь... От этого народ отвыкал, и это волновало, удивляло, тревожило» [Сенчин, 2015, с. 51].

У Пылева нет будущего, но и у его жителей перспективы после переселения далеко не радужные. Постсоветская действительность кажется им еще страшнее предшествующей. Государство вроде бы изменилось, стало демократичным, соблюдающим законность, однако в нем царит безразличие к гражданам, не особо отличающееся от практик тоталитарного советского прошлого: «Да когда-то за сутки целые народы грузили на транспорт и отправляли на тысячи километров. Было такое, но теперь все делалось вроде бы по закону, с соблюдением прав, и процесс шел медленно, кое-как» [Сенчин, 2015, с. 76]. За годы советского строя многие к нему привыкли, плохое забылось, поэтому жесткие реалии сегодняшнего дня порождают чувство разочарованности, и даже ностальгии. Гроб Натальи Сергеевны выстилают красным сукном – последним, что осталось от прежнего строя. Ее похороны приобретают статус символического прощания с тем временем, когда жизнь иллюзиями и надеждами на «светлое будущее» не воспринималась еще как наивность. У хоронивших старушку жителей Пылева надежд, по сути, не осталось. Им не дано погрузиться, как героям «Прощания с Матерой», в туман, за которым, возможно, их ждет чудо. Будущее сегодняшних крестьян очевидно и безнадежно.

Примечательно, что в «Зоне затопления» нет ни одного запоминающегося героя, в то время как у Распутина их целая галерея: старухи Дарья, Сима, Наталья, юрод Богодул, наконец, Иван Петрович из «Пожара». В случае сенчинских персонажей ни покойная Наталья Сергеевна, ни Алексей Брюханов, ни Юрий и Татьяна Мерзляковы даже частично не проявляют такой самоотверженности и харизмы. Никто из них не в состоянии отстоять каких-либо ценностей, в том числе и семейных, чему примером служат Мерзляковы – некогда дружное семейство, они подаются на развод, правда, в отличие от других, делают это «без пыли до потолка, без позора» [Сенчин, 2015, с. 56].

Жителям Сибири всегда была присуща внутренняя свобода, которая в свое время способствовала территориальным завоеваниям, освоению «чужих земель» Сибири. Именно таким качеством – внутренней свободой – обладали герои Распутина. Жители же сибирской глубинки начала XXI в., описываемой в «Зоне затопления», лишены воли к действию, борьбе за свои права. Они помнят подвиги предков, но сами не в состоянии противостоять беспределу государственной бюрократии: «Все собравшиеся от почти стариков-родителей до этих пятилетних-семилетних ребяташек, крепкие, здоровые, знающие как жить здесь, были теперь растеряны, бессильны, прибиты» [Сенчин, 2015, с. 70]. К борьбе готовы лишь единицы – те, кто всегда проявлял инициативу, сумел в непростых условиях постсоветской действительности честным трудом и предприимчивостью добиться успеха и кому грозит потеря достигнутого. Но в конфронтации с коррумпированными чиновниками, местной администрацией и они оказываются бессильны. Цивилизационное бытие в романе «изначально связано со страхом, насилием, жестокостью» [Ковтун, 2017а, с. 85], которые ощущаются на протяжении всего сюжета, характеризующегося кольцевой композицией: повествование начинается с похорон одной из жительниц деревни и заканчивается катаклизмом в День Пасхи – когда группу героев, собравшихся на городском кладбище, настигает вода из прорванной плотины. Вместо Воскресения Господня наступает Судный День. По сути, это единственная сцена в произведении, построенная как раз на мифологическом, библейском мотиве, но, в отличие от распутинских образов, она не несет надежду на будущее, не утверждает континуум человеческой экзистенции, а предвещает ее трагический исход.

Р. Сенчин намеренно уходит от мифопоэтических образов даже когда затрагивает явно распутинский вопрос конфликта человека с природой. При этом в «Зоне затопления» данный конфликт во временной перспективе решается в пользу природы: «Обезлюдители деревеньки (...) и сырая темная тайга сразу наваливалась на отвоєванные у нее когда-то деляны; дикие травы засыпали огороды, дворы, улицы семенами, сосны и ели швыряли расщеперенные шишки, на срубках поселялся мох, расползался по плахам крыш лишайник. (...) Природа забирала обратно свою территорию» [Сенчин, 2015, с. 77]. Если Распутин только предостерегал перед неумеренным вмешательством человека в природу, деструктивным, прежде всего, в сфере нравственной кондиции человека, то для Сенчина оно становится печальным фактом реальности. Этап нравственного разрушения уже пройден, за ним же идет физическое уничтожение, или, скорее самоуничтожение человека. Природа же как вечная ценность способна возродиться – пусть даже в своей первобытной форме, в виде мхов и лишайников.

В споре с наследием «деревенской» прозы, В. Распутина в частности, Сенчин не ограничивается лишь сюжетными переключками и их разоблачительной развязкой, а прямо указывает на субъект. В одном из эпизодов звучит очень резкая оценка претензий на участие в процессе преобразования страны и общества, которую взяли на себя «деревенщики». При этом свои претензии современный литератор не

высказывает напрямую, а вкладывает их в уста одного из героев. Брюханов – речь идет именно об этом персонаже – в детстве любил читать книги и из школы вынес убеждение в том, что литература учит «(...) как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо» [Сенчин, 2015, с. 204]. Жизнь скорректировала юношеские, наивные, идеи и любовь к словесности у героя прошла. Брюханов вспоминает даже телепередачу о встрече известного писателя, в котором легко узнается Распутин, с жителями поселений, которые должны быть затоплены при строительстве новой ГЭС: «Написавший книгу про свою затопленную родину все потирал глаза, кривил, как от боли лицо. Молчал... Словно на место скорого природного бедствия они приехали, осматривали то, что должно быть вот-вот уничтожено, каким-нибудь ураганом, цунами. Но ведь не природное бедствие надвигалось на деревню и на весь этот край, а рукотворное. Остановимое» [Сенчин, 2015, с. 205]. Указание на бессилие писателя становится доказательством бессилия литературы в целом, ее неспособности реализовать нравственно-духовную миссию.

Таким образом, можно утверждать, что роман Р. Сенчина «Зона затопления» не только попытка преодоления мифопоэтического восприятия мира, как в творчестве В. Распутина, но и традиционализма в целом. Можно считать ее оправданной, учитывая весь комплекс перемен, которые на протяжении последних трех-четырёх десятилетий произошли в общественно-политической и культурной жизни страны. Критерием, играющим, несомненно, в пользу Р. Сенчина, следует признать метаморфозы литературного процесса – смену эпох, эстетических и художественных предпочтений, писательских поколений, обладающих новым опытом, – которые влияют на иное творческое развитие существующих ранее мотивов и их нового прочтения. И все же основным критерием оценки, по нашему убеждению, остаются художественные качества, поэтому в вышеописанном случае, в силу отмечаемой критикой артистической слабости выведенных Сенчиным персонажей, лишенных психологической достоверности, а также излишней публицистичности текста и идейной тенденциозности [Ковтун, 2017а, с. 86], полемика «нового реалиста» с классиком русского традиционализма разрешается явно не в пользу первого.

Библиографический список

1. Беляков С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках [Электронный ресурс] // Урал. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> (дата обращения: 13.11.2018).
2. Бондаренко В. Новый реализм [Электронный ресурс] // Завтра. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2003-08-2071> (дата обращения: 13.11.2018).
3. Ганиева А.А. Не бойся новизны, а бойся пустозвонства [Электронный ресурс] // Знамя. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/ga17.html> (дата обращения: 13.11.2018).
4. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от благословенной Матёры к Пылёво (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2017а. № 4 (17). С. 81–87.

5. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты. М.: Флинта: Наука, 2017б. 597 с.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. М.: Изд-во УРСС, 2001. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986). 286 с.
7. Распутин В.Г. Собрание сочинений. Калининград: Янтарный сказ, 2001. Т. 2. 638 с.
8. Сенчин Р.В. Зона затопления. М.: АСТ, 2015. 384 с.
9. Jastrzębska K. Депрессивная проза Романа Сенчина // Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. С. 72–80.
10. Wawrzynczak A. Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu wiejskiego. Kraków: Universitas, 2005. С. 210.

Сведения об авторе

Вавжинчак Александр – доктор филологических наук, филологический факультет, Институт восточнославянской филологии, Ягеллонский университет (Польша); e-mail: aleksander.wawrzynczak@uj.edu.pl; sa-vav@yandex.ru

NEW REALISM AS AN ATTEMPT TO OVERCOME THE MYTH-POETICS OF TRADITIONALISM. VALENTIN RASPUTIN AND ROMAN SENCHIN

Aleksander Wawrzyńczak (Cracow, Poland)

Abstract

The research task of this article is to conduct a comparative analysis of the novels of Valentin Rasputin and the Roman Senchin's novel "The Flood Zone". Both writers differ from each other not only in life, generational experience, but above all in a different aesthetic approach to creativity. In his novel, Senchin attempts to overcome the mythopoetic, traditionalist perception of the world characteristic of Rasputin's work. Appealing to the creativity of the classic writer, the modern author offers another, subordinated to the artistic principles of "new realism", a way to describe reality, seeks to debunk the mythologies that have become the Foundation of Rasputin's prose. The analysis carried out in the article allows us to put the thesis that the creative idea of Senchin is hardly successful, but at the same time it completely fits into the eternal dispute between the "traditional" and "new" in art.

Keywords: *Rasputin, Senchin, mythopoetic, traditionalism, new realism, overcoming.*

Bibliograficheski spisok

1. Beljakov S. Roman Senchin: neokonchennyj portret v sumerkah [Jelektronnyj resurs] // Ural. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> (data obrashhenija: 13.11.2018).
2. Bondarenko V. Novyj realizm [Jelektronnyj resurs] // Zavtra. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2003-08-2071> (data obrashhenija: 13.11.2018).
3. Ganieva A.A. Ne bojsja novizny, a bojsja pustozyonstva [Jelektronnyj resurs] // Znamja. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/ga17.html> (data obrashhenija: 13.11.2018).
4. Kovtun N.V. Istoriorizacija mifa: ot blagoslovennoj Matjory k Pylevo (ob avtorskom dialoge V. Rasputina i R. Senchina) // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 4 (17). S. 81–87.
5. Kovtun N.V. Russkaja tradicionalistskaja proza HH–HHI vekov. Genesis, mifopojetika, konteksty. M.: Flinta: Nauka, 2017. 597 s.
6. Lejderman N.L, Lipoveckij M.N. Sovremennaja russkaja literatura. Kniga 2. Semidesjatyje gody (1968–1986). Moskva: Izd-vo URSS, 2001. 286 s.
7. Rasputin V.G. Sobranie sochinenij. Kaliningrad: Jantarnyj skaz, 2001. T. 2. 638 s.
8. Senchin R.V. Zona zatopenija. M.: AST, 2015. 384 s.
9. Jastrzębska K. Depressivnaja proza Romana Senchina// Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. S. 72–80.
10. Wawrzyńczak A. Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu wiejskiego. Kraków: Universitas, 2005. 210 s.

About the author

Wawrzyńczak Aleksander – Doctor of Philology, Institute of East Slavonic Philology, Department of Philology, Jagiellonian University (Poland); e-mail: aleksander.wawrzynczak@uj.edu.pl; sa-vav@yandex.ru